

в той же части Пантикапея найден еще ряд надгробий с метрическими эпитафиями и затем замечает: «можно предположить, что здесь в римское время находился, так сказать, аристократический участок кладбища». Среди перечисленных В. В. Шкорпилом надписей находилось, между прочим, и надгробие Трифонида, и некоторые другие надписи, упоминавшиеся нами как близкие по времени темрюкской. Находки, сделанные позднее, позволяют еще увеличить количество известных нам стихотворных эпитафий, найденных в данной части некрополя Пантикапея: из них все, с которыми мне удалось ознакомиться, входят в ту же хронологическую группу — I в. до н. э. — I в. н. э. Итак, мы можем, по-видимому, не только говорить об аристократическом участке пантикапейского некрополя, но и определить время существования этого участка.

Такие «аристократические участки» были, очевидно, также и в некрополях других крупных боспорских городов. Темрюкская надпись принадлежит некрополю Фанатории; есть и другие находки, происходящие с Таманского полуострова и принадлежащие надгробиям той же группы¹². Сейчас было бы едва ли своевременно приводить статистику находок боспорских метрических надписей: это станет возможным, когда будет закончена работа по полному изданию корпуса всех боспорских надписей. Но и теперь мы можем констатировать и значительное количество метрических эпитафий в Боспорских городах, и особое их распространение в I в. до н. э. — I в. н. э. Надпись Темрюкского краеведческого музея занимает в этом материале видное место, она представляет и особый интерес как один из выдающихся памятников древней Фанатории.

Г. Книпович

К ИСТОРИИ ТАНАИСА

Среди городов Северного Причерноморья, существовавших здесь в скифо-сарматское время, видная роль принадлежала Танаису, являвшемуся центром экономической и культурной жизни для всего нижнего Подонья и Приазовья в течение более шести столетий. Без ясного представления об экономике, культуре и политической истории этого города, о характере его связей с окружающим населением, с одной стороны, и с другими причерноморскими и средиземноморскими городами — с другой, невозможно понять и основные вопросы истории всей восточной части Северного Причерноморья и населения степей в Подонье, Приазовье и Волго-Донском междуречье.

Между тем наши сведения о Танаисе до последнего времени были чрезвычайно отрывочны и ни в какой степени не соответствовали тому значению, которое имел этот город в истории народов Северного Причерноморья. Скупые упоминания о Танаисе у немногих античных авторов и отдельные вещи из прежних раскопок, хранящиеся в музеях, — вот почти все данные, которыми мы располагали до начала систематических раскопок Танаиса в 1955 г. Наиболее ценным источником были сведения, получаемые из сравнительно многочисленных танаисских надписей. Но надписи эти относятся все к очень ограниченному периоду — II—III вв. н. э. и касаются лишь определенного небольшого круга вопросов жизни древнего города.

Особенно недоставало для реконструкции истории города систематизированных раскопочных данных. Хотя раскопки в Танаисе велись сравнительно интенсивно в XIX в., отсутствие подробных отчетов о раскопках П. М. Леонтьева, В. Г. Тизенгаузена и Хицунова, чертежей или рисунков вскрытых сооружений, характеристик обнаруженных при раскопках комплексов, стратиграфических наблюдений и т. п. обесценивало полученные результаты и оставляло единственную возможность — привлекать для ха-

¹² Из находок, сделанных на территории Таманского полуострова, интересно отметить венчающую часть стелы, близкую той же части темрюкского надгробия: см. K i e s e r i t z k y und W a t z i n g e r, ук. соч., табл. IX, № 148. Имело ли и это надгробие метрическую надпись, мы, конечно, не знаем. Однако тип стелы был, очевидно, подобен темрюкскому.

рактические древнего города лишь отдельные сохранные раскопками вещи, вырванные из комплексов. Сопоставление всего этого материала, подводющее итог всем нашим знаниям о Танаисе, было тщательно проведено Т. Н. Книпович в ее монографическом исследовании, посвященном этому городу¹. Все, что можно было тогда (в 1949 г.) сказать о Танаисе, было сказано в этой монографии, и дальнейшее изучение истории этого города и всего нижнего Подонья могло быть предпринято лишь на основе новых раскопных данных².

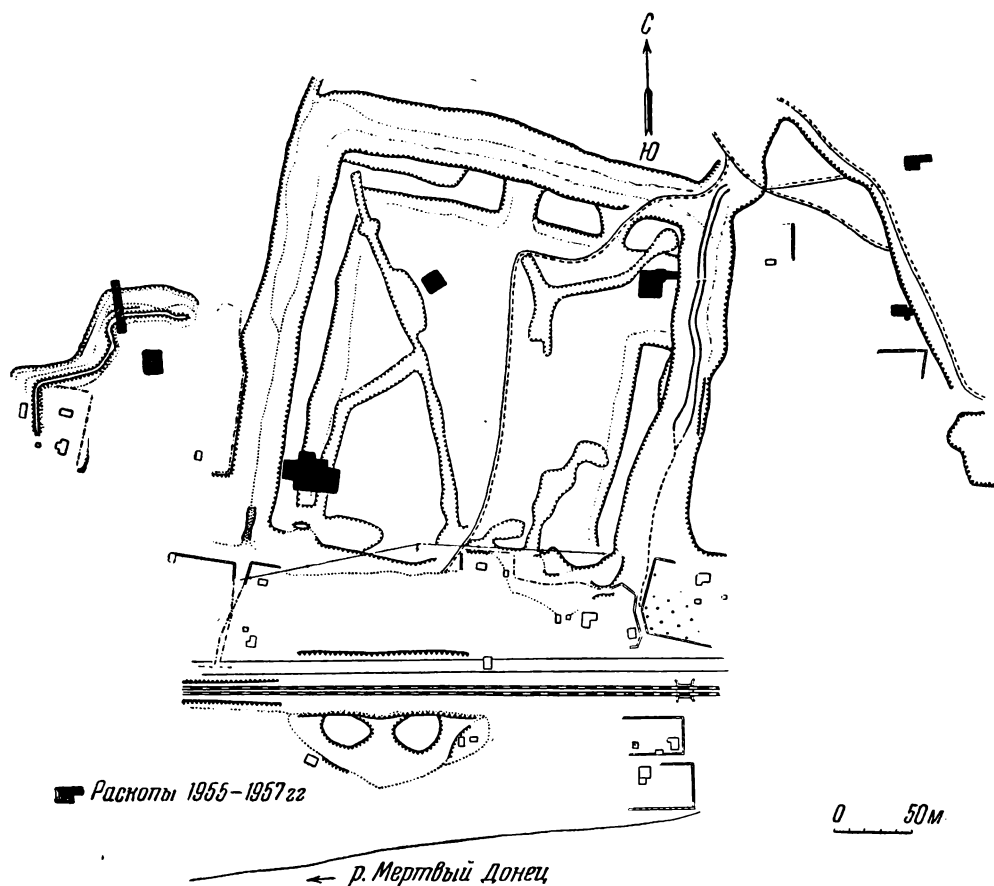

Рис. 1. План Недвиговского городища (Танаис) с указанием раскопов 1955—1957 гг.

С 1955 г. систематические раскопки Танаиса ведет Нижне-Донская экспедиция³. За три полевых сезона нами вскрыты на городище и на некрополе Танаиса довольно значительные площади (рис. 1) и получены богатые материалы, характеризующие все стороны жизни древнего города. В задачу настоящей статьи не входит публикация этих археологических материалов, что возможно сделать лишь в подготавливаемой в настоя-

¹ Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л., 1949.

² Ср. ВДИ, 1949, № 4, стр. 169.

³ Экспедиция организована Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР при участии Ростовского областного и Таганрогского краеведческих музеев. Начальник экспедиции Д. Б. Шелов; начальники участков и отрядов Т. М. Арсеньева, А. И. Болтунова, И. С. Каменецкий, А. К. Коровина, В. В. Кропоткин.

щее время книге, но лишь краткое изложение тех выводов исторического характера, которые могут быть сделаны на основании анализа этих материалов.

Сейчас можно считать уже окончательно опровергнутой распространенную версию о существовании двух Танаисов — более раннего и более позднего. Сама эта мысль была впервые высказана П. М. Леонтьевым после его раскопок в Недвиговке в 1853 г. Не найдя при раскопках никаких материалов, датирующихся временем более ранним, чем I в. н. э., он попытался объяснить это тем, что Танаис на данном месте возник вторично, в процессе восстановления города после разрушения его боспорским царем Полемоном⁴. Остатки допелемоновского Танаиса он предлагал видеть в другом поселении в устье Дона — в Елизаветовском городище. Эта версия была подхвачена и другими исследователями Подонья⁵ и настолько прочно вошла в сознание, что иногда повторяется и до сих пор⁶, хотя никаких оснований для всего этого построения нет, что, впрочем, указывалось некоторыми учеными уже давно⁷.

Прежде всего неверной была самая первая посылка П. М. Леонтьева. И при его раскопках, как и позднее, в Недвиговке было найдено немало материала, относящегося к допелемоновским временам; Леонтьев просто не сумел правильно датировать этот материал. Укажем на находки родосских клейменных амфорных ручек, обломков мегарских чаш и другой эллинистической посуды, происходящие из раскопок Леонтьева и, несомненно, датирующиеся концом III—I вв. до н. э. Т. Н. Книпович, анализируя добытый раскопками XIX в. материал, пришла к совершенно твердому выводу о существовании античного поселения на месте Недвиговского городища уже в III в. до н. э.⁸ С другой стороны, исследования Елизаветовского городища показали, что жизнь на нем прекращается задолго до времени Полемона — в III в. до н. э. и что связывать перенесение города на новое место с пелемоновским разрушением совершенно невозможно⁹. Однако традиционные представления о существовании двух Танаисов были так сильны, что даже специальное исследование С. А. Жебелева, поставившее под сомнение самое разрушение Танаиса Полемоном¹⁰, не смогло окончательно похоронить миф о двух Танаисах.

Когда стало ясно, что связывать перенесение Танаиса на новое место с разрушением Полемона нельзя, было выдвинуто новое объяснение этого перенесения — обмеление прежнего русла Дона¹¹. При этом оказалась забытой сама первопричина поисков двух Танаисов — ошибка П. М. Леонтьева при определении времени открытых им материалов. Даже Т. Н. Книпович, неопровержимо доказавшая, как уже указывалось, существование поселения на месте Недвиговки с III в. до н. э., не решилась все же твер-

⁴ П. Леонтьев, Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях, «Прописки», IV, М., 1854, стр. 505 сл.

⁵ Н. И. Веселовский, Танаис Младший, «Гермес», 1909, № 6, стр. 246 сл.; А. М. Ильин, Передовая фактория Танаиса, ЗРОИДП, т. II, 1914; А. А. Миллер, Раскопки в районе древнего Танаиса, ИАК, вып. 35 (1910), стр. 124; он же, Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. СГАИМК, т. I, стр. 101; С. А. Жебелев, Боспорские этюды, ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 38, 39, 41.

⁶ Б. В. Лунин, Очерки истории Подонья — Приазовья, I, Ростов-Д., 1949, стр. 56 сл.; ВДИ, 1947, № 4, стр. 205, прим. 1.

⁷ Напр., М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 529—530; немецкое издание 1931 г., стр. 469.

⁸ Т. Н. Книпович, Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г., ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 194; он же, Танаис, стр. 122—123.

⁹ Книпович, Опыт характеристики..., стр. 135—136, 189.

¹⁰ С. А. Жебелев, Был ли Танаис разрушен Полемоном? Боспорские этюды, III, ИГАИМК, вып. 104, 1935.

¹¹ А. А. Миллер, СГАИМК, 1932, № 9—10, стр. 66; Книпович, Опыт характеристики..., стр. 194—195; Жебелев, ук. соч., стр. 38—39.

до отказать Елизаветовскому городищу в праве именоваться Танаисом и оставила этот вопрос открытым ¹².

При наших работах на Недвиговском городище были не только найдены многочисленные вещественные остатки III—I вв. до н. э., но и открыты участки культурного слоя и строительные остатки, принадлежащие этому раннему периоду существования города. Так, в западной части городища (раскоп VI) в 1957—1958 гг. были вскрыты жилые и хозяйственные комплексы, возникновение которых с уверенностью можно отнести, на основании сопровождающих находок, еще к III в. до н. э. Датировочным материалом здесь являются фрагменты чернолаковой керамики, эллинистические чаши с рельефными медальонами на дне, керамические клейма. На другом участке города открыта часть монументальной оборонительной стены, построенной во II в. до н. э. Материалы II—I вв. до н. э. получены при работах на всех участках в достаточно большом количестве. Особенно важно отметить, что остатки сооружений и вещественные находки III—I вв. до н. э. ясно свидетельствуют о городском характере поселения в это время. Стратиграфические данные говорят о непрерывном развитии города на протяжении последних веков до н. э. и первых веков н. э. А так как название города Танаисом в первые века н. э. прочно засвидетельствовано надписями, то нет никакого основания предполагать, что в более раннее время он мог называться иначе, а название Танаиса носило другое поселение. Таким образом, можно теперь сказать совершенно определенно, что Елизаветовское городище не имеет никаких прав именоваться Танаисом и что Танаис во все периоды своего существования находился на одном месте — на правом берегу Мертвого Донца, на территории современного хутора Недвиговка ¹³.

Для точного определения времени возникновения Танаиса у нас еще недостаточно данных. Во всяком случае, в конце III столетия до н. э. он, несомненно, уже существовал как поселение городского типа. Единичные находки на городище и в некрополе вещей, которые могут быть датированы IV в. (обломки керамики) и даже более ранним временем (бронзовые втульчатые стрелы архаического типа) ¹⁴, не дают еще права сделать заключение о существовании города в то время, но они позволяют думать, что жизнь на этом месте существовала и до возникновения города.

В III—II вв. до н. э. Танаис занимал значительную территорию. Культурный слой и остатки сооружений этого времени обнаружены на всех раскопах на городище, а могилы — в некрополе. Однако на раскопах, заложенных в центральном четырехугольнике городища (раскопы I, II, IV), эти ранние слои, как правило, дошли в очень плохом состоянии, так как позднейшими перестройками первых веков н. э. они были почти полностью уничтожены. Исключение составляет открытый в юго-западном углу четырехугольника (раскоп IV) участок оборонительной стены, сооруженной, видимо, не позднее II в. до н. э. Дата эта определяется сопровождающими находками: обломками мегарских чаш и поздней чернолаковой посуды, родосскими амфорными клеймами и т. п. Стена была сложена из крупных каменных необработанных глыб, плотно уложенных на глине (рис. 2). Видимо, в то же время возник и комплекс помещений с подвалами, прилегающих с востока к оборонительной стене. Стены этих помещений связаны с внутренним панцирем оборонительной стены, а на дне одного из подвалов, в трещинах скалы, составляющей пол подвала, найден тот же материал II в. до н. э. Но в самих помещениях и подвалах обнаружены вещи гораздо более поздние, что связано с многовековым существованием и использованием этих сооружений.

Хороший комплекс III—I вв. до н. э. открыт в западной части городища к западу от основного четырехугольника (раскоп VI). В этом районе строительные остатки более

¹² К н и п о в и ч, Танаис, стр. 124.

¹³ Мы не касаемся здесь вопроса о преемственности поселения на месте Елизаветовского городища и Танаиса в области экономических связей Подонья, вопроса, подробно разобранного Т. Н. Книпович.

¹⁴ Одна такая стрела была найдена П. М. Леонтьевым в одном из недвиговских курганов, другая Н. И. Веселовским также в некрополе (К н и п о в и ч, Танаис, стр. 35, рис. 3), третья попала при раскопках 1957 г. на самом городище.

позднего времени сравнительно незначительны — здесь встречена только небольшая выложенная камнем яма или погреб II—III вв. н. э. — поэтому ранние строительные комплексы хорошо сохранились. Здесь открыто помещение с глинобитным полом и зерновой ямой, несколько других помещений, каменная вымостка, хорошо датируемые второй половиной III—II вв. до н. э. (рис. 3). К сожалению, невозможность значительного расширения площади раскопа VI из-за наличия кругом современных усадеб не позволила пока полностью вскрыть этот интересный ранний район. Строительные остатки и культурный слой того же времени оказались и на соседнем раскопе VII под слоем мусорной свалки II—III вв. н. э. и под земляным валом новейшего происхождения.

Границы Танаиса эллинистического времени нами еще не определены, остается пока неясной также и система обороны, поскольку открытая на IV раскопе стена II в. до н. э., о которой говорилось выше, не могла окружать все поселение: постройки этого времени располагались и к западу и к востоку от нее; скорее она была стеной какого-то внутреннего дополнительного укрепления. Во всяком случае несомненно, что в эллинистическое время Танаис занимал значительно большую площадь, чем в первые века н. э.; территория его не ограничивалась только позднейшим четырехугольником крепости римского времени, но и простиралась к западу от него (раскопы VI, VII).

В некрополе Танаиса погребения III—II вв. до н. э. не представляют редкости: они были обнаружены прежними раскопками¹⁵ и встречались при наших исследованиях (раскопы III, V)¹⁶.

Видимо, где-то около рубежа н. э. в жизни Танаиса произошли значительные изменения. Стена II в. до н. э. была разрушена, уцелела лишь нижняя ее часть на высоту около 2,70 м. Почти вплотную к этой оборонительной стене с наружной ее стороны примыкает жилой и хозяйственный комплекс I в. н. э., полностью вскрытый раскопками. Он состоит из нескольких помещений, расположенных вокруг мощеного каменными плитами дворика (рис. 4). Судя по находкам большого количества рыболовных каменных грузил в углу одного из помещений, дом этот мог принадлежать рыбаку.

Постройка каменного жилого дома, прилегающего с наружной стороны к оборонительной стене, причем высота стен дома должна была быть несколько выше, чем сохранившаяся высота оборонительной стены, явно свидетельствует о том, что остатки стены II в. до н. э. в этот период никаких оборонительных функций несли не могли. Таким образом, вскрытые на этом участке архитектурные сооружения, несомненно, указывают на разрушение части оборонительных сооружений города около рубежа н. э. Это разрушение оборонительных стен представляется всего вероятнее связать с карательной акцией Полемона (Strabo, XI, 2, 3), которая должна падать как раз на это время. Вопрос о разрушении Танаиса Полемоном, неоднократно дебатировавшийся в науке, может быть пересмотрен теперь на основании учета точных археологических данных.

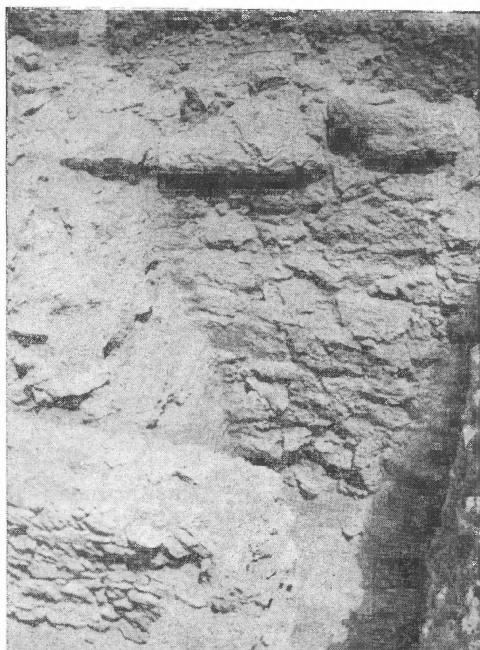

Рис. 2. Участок оборонительной стены III в. до н. э. (раскоп IV)

¹⁵ К н и п о в и ч, Танаис, стр. 46.

¹⁶ Д. Б. Ш е л о в, Раскопки Танаиса в 1955 г. КСИИМК, вып. 74.

Прежде всего совершенно несомненно, что полемоновское разрушение города не могло иметь того тотального характера, который приписывали ему прежние исследователи, предполагавшие даже последующее перенесение города на новое место. Уже самое возникновение упомянутого жилого комплекса в начале I в. н. э. свидетельствует

Рис. 3. Жилой комплекс III—II вв. до н. э. (раскоп VI)

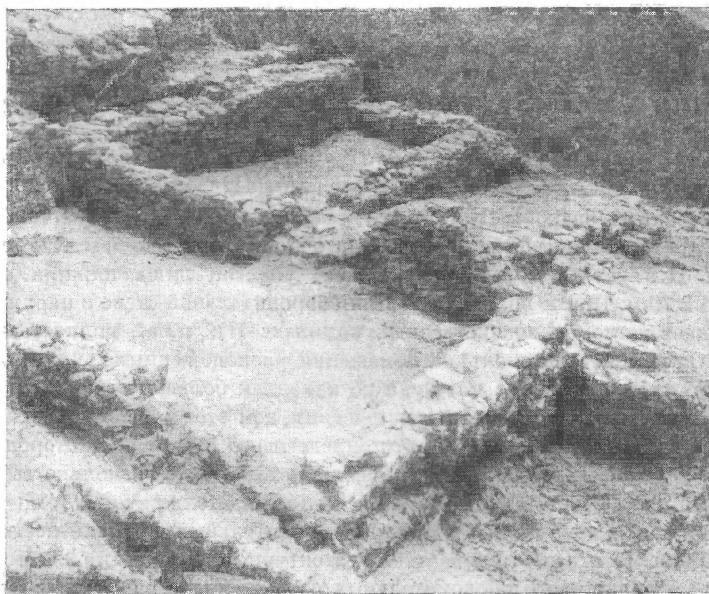

Рис. 4. Жилой комплекс I в. н. э. (раскоп IV)

о том, что жизнь в городе и после взятия его Полемоном продолжала нормально развиваться. О том же говорят и многочисленные находки керамики и других вещей, относящихся к I в. н. э., и наличие в танаисском некрополе богатых погребений, датирующихся тем же временем. С другой стороны, результаты раскопок заставляют нас критически

отнестись и к мнению С. А. Жебелева, согласно которому никакого разрушения Танаиса Полемон якобы не производил, а ограничился грабежом города. Уничтожение ранее существовавшей оборонительной стены, о котором говорилось выше, позволяет думать, что Полемон все же не ограничился взиманием с жителей материальной пени за их непокорность, но наказал город и разрушением некоторых сооружений. При этом вполне логично было с его стороны отнять у города, входившего в его державу и оказавшего ему неповиновение, возможность к сопротивлению в дальнейшем, лишив его значения крепости. Это объяснение разрешает и сомнения С. А. Жебелева в отношении целесообразности такого действия боспорского царя, как разрушение одного из крупных центров его государства.

Были ли разрушены и другие сооружения города, кроме оборонительной стены, пока сказать невозможно. Но то обстоятельство, что возникновение большей части открытых на городище жилых комплексов относится к I—II вв. н. э., говорит как будто бы в пользу предположения о довольно значительных изменениях, происшедших на рубеже н. э. и в планировке городских кварталов, что может быть также связано с военными действиями Полемона против Танаиса.

В конце первого и начале II в. н. э. в Танаисе начинается усиленное городское строительство, особенно строительство оборонительных сооружений, продолжающееся в течение всего II и начала III вв. н. э. Этот факт, хорошо известный нам по многочисленным строительным надписям Танаиса, относящимся ко II и III вв. н. э.¹⁷, прекрасно засвидетельствован и археологическими материалами.

В первой половине II в. н. э. была построена оборонительная стена, обнаруженная раскопками в северо-восточной части городища (раскоп II). Открытый участок стены имеет протяженность 20 м, но в большей своей части стена разобрана почти полностью в новое время, прослеживаются лишь камни фундамента. Только на небольшом участке стена сохранилась на высоту более двух метров (рис. 5). С внутренней стороны к стене примыкал жилой комплекс, включавший в себя два мощеных дворика и несколько помещений с глубокими подвалами. Возникновение этого комплекса также относится к началу второго века н. э., что явствует из стратиграфических наблюдений и подтверждается находкой между плитами дворика закатившихся туда двух монет Рискупорядка II (68—92 гг.), имевших хождение в начале II в. н. э. Неширокое пространство между оборонительной стеной и параллельной ей восточной стеной жилой усадьбы не было оставлено пустым, но было заполнено специальной плотной засыпью,

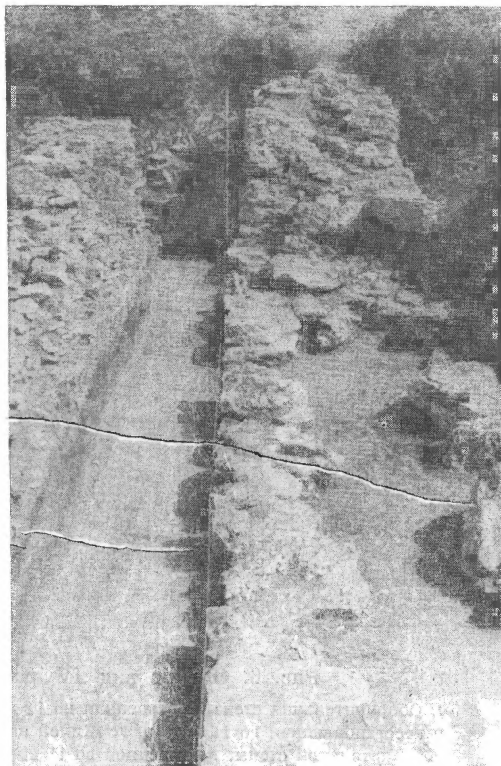

Рис. 5. Оборонительная стена II в. н. э. (раскоп II)

¹⁷ IOSPE, II, 427—436; IV, 447; В. А. Канский, Вновь найденные недвижимые плиты, ЗРОИДП, II, 1914, стр. 138, № 3; А. Ф. Семенов, Эпиграфические мелочи из Недвиговского городища, «Записки СКОАИЭ», I (т. III), 1928, вып. 3—4.

состоящей из щебня, суглинка и керамических обломков. Таким образом, каменная оборонительная стена, эта насыпь и восточная стена жилого комплекса составляли единое оборонительное сооружение, достигавшее около 5 м толщины. Находка в насыпи многочисленных фрагментов керамики, датирующихся I в. н. э., и отсутствие в ней более поздних остатков заставляет нас относить время возникновения этого сооружения к началу II в. н. э.

Рис. 6. Общий вид IV раскопа (аэрофотосъемка)

1. Оборонительная стена, построенная во II в. до н. э., разрушенная на рубеже н. э. и восстановленная во II в. н. э. 2. Жилой комплекс I в. н. э. 3. Наружный панцирь оборонительной стены, построенной во II в. н. э. 4. Башня II в. н. э. 5. Хозяйственные комплексы II в. до н. э.— III в. н. э.

В это же время производятся большие строительные работы на противоположном конце городища в юго-западной его части (раскоп IV). Уже упомянутая оборонительная стена, возведенная во II в. до н. э. и разрушенная на рубеже нашей эры, теперь восстанавливается. Она надстраивается вверх и получает новый дополнительный наружный панцирь, значительно утолщающий ее. Восстановление оборонительной стены потребовало сноса существовавшего перед ней в I в. н. э. дома. Действительно, стены этой жилой усадьбы были разрушены до высоты около 1 м. Оставшиеся нижние части стен оказались засыпанными и не препятствовали выполнению оборонительной стеной ее функций, поскольку общий уровень дневной поверхности здесь к этому времени значительно повысился. На уровне засыпанных стен жилого дома залегали фундаменты дополнительного наружного панциря оборонительной стены и мощной башни (рис. 6), открытой раскопками. Башня эта, прямоугольная в плане, имевшая очень толстые стены и небольшое помещение внутри, была построена тогда же, когда и дополнительный наружный панцирь, т. е. во II в. н. э.

Наконец, во II в. н. э. сооружается и ров, проходящий перед оборонительной стеной и ограничивающий четырехугольник крепости с запада. Видимо, ранее здесь существовал естественный овраг, который теперь превращается в мощное оборонительное

сооружение путем искусственной подрезки его восточного склона. Подрезка эта хорошо прослеживается на остатках стен и подвалов жилого комплекса I в. н. э., западные помещения которого ровно срезаны наискось при устройстве рва.

Таким образом, оказывается, что система оборонительных сооружений, ограничивших территорию города правильным четырехугольником рвов и стен, была создана во II в. н. э., ранее же город занимал несколько большую площадь, по крайней мере, в западном направлении. Самая планировка оборонительных сооружений Танаиса II в. н. э. с ее почти правильным квадратом стен (рис. 7) и с воротами в средней части южной стороны квадрата (ворота были открыты еще раскопками XIX в.) настолько разительно напоминает планировку римских лагерей, что невольно заставляет вспомнить

Рис. 7. Общий вид городища (аэрофотосъемка)

об участии в строительных работах в Танаисе (правда, уже в III в. н. э.) римского архитектора Аврелия Антонина¹⁸.

Судя по всем археологическим данным, расцвет города относится ко II и первой половине III вв. н. э. Огромное количество всевозможных хозяйственных, бытовых и иных предметов, датируемых этим временем, множество привозных изделий, начиная от амфор и кончая египетскими скарабеями, значительное число монетных находок и другие данные говорят о том, что, начиная с конца I в. н. э., Танаис непрерывно идет по пути экономического и культурного расцвета.

Данные раскопок подтверждают торговое значение Танаиса как «крупнейшего после Пантикапея торжища варваров» (Strabo, VII, 4, 5). Раскопками открыты подвалы, в которых хранились сотни совершенно однотипных амфор, помеченных красной краской. Метки на них иногда являются порядковыми номерами, в других случаях указывают имя владельца. Можно думать, что подвалы эти принадлежали торговцам, хранившим в них запасы своего товара. В одном из подвалов вместе с амфорами найдены пять железных, прокованных медью колокольцев, предназначенных для того, чтобы вешать их на шею караванным животным. О торговле говорят и такие находки, как бронзовая чашечка весов, свинцовая гиря, монеты.

Однако Танаис был не только торговым, но и производственным центром. Правда, материалы, характеризующие развитие ремесла в городе, пока еще невелики, но от-

¹⁸ IOSPE, II, 429, 430, 433, 434.

дельные находки все же можно указать. Очень любопытна сделанная из родосской амфорной ручки небольшая литейная формочка для отливки металлических подвесок или серег. находка ее доказывает наличие собственно ювелирного производства в Танаисе, о котором раньше можно было только догадываться¹⁹. В цистерне для сбора дождевой воды, относящейся ко II в. н. э., было найдено железное кузнечное зубило. Развитие ткачества засвидетельствовано многочисленными находками пряслиц.

Значительно полнее представлены в археологических данных различные отрасли сельского хозяйства. О развитии земледелия в окрестностях города говорят находки железных серпов, каменных зернотерок, наличие большого числа зерновых ям. В ряде случаев найдены и остатки обгорелого зерна: пшеницы, проса, ячменя, ржи²⁰. Особенного внимания заслуживают находки зерен ржи, поскольку эта культура была совершенной новинкой для времени существования Танаиса²¹ и введение ее в число возделываемых культурных растений свидетельствует о прогрессивном развитии земледелия в области нижнего Подонья. Остеологический материал²² позволяет определить примерный состав домашнего скота, включающий все современные виды домашних животных; любопытны повторные находки на городище костей верблюда. Охота занимала в жизни танаисцев незначительное место. Только дикий кабан, водившийся в плавнях дельты Дона, являлся объектом постоянного охотничьего промысла — кости его нередко встречаются при раскопках. Зато очень значительное развитие рыболовства засвидетельствовано многочисленными находками каменных грузил для сетей и огромным количеством рыбьих костей и чешуи, попадающих в культурном слое.

Все имеющиеся в нашем распоряжении данные — археологические, нумизматические, эпиграфические — говорят о том, что во II и в начале III вв. Танаис жил очень интенсивной жизнью, имел обширную торговлю, в нем процветали ремесла и промыслы, велось активное строительство.

Около середины III в. н. э. произошла страшная катастрофа, в результате которой город был уничтожен. На всех раскопанных участках городища совершенно четко прослеживается слой колоссального пожарища — обгорелые балки, уголь, зола, следы огня на каменных строениях и на вещах. Совершенно несомненной является единовременная и внезапная гибель всего города. В помещениях, разрушенных в это время, при раскопках обнаружены тысячи предметов, находившихся там в момент катастрофы, в том числе уже упомянутые амфоры с запасами. Большинство из них было разбито камнями рухнувших стен, но общее число их поддается подсчету.

Эти амфоры, краснолаковая и другая керамика из разрушенных помещений хорошо датируют гибель их серединой III в. н. э. Еще более точно определяют время гибели города монеты. В одном из заваленных во время разрушения города подвальных помещений найдена монета Рискупорида III (210—226 гг. н. э.), в другом — монеты Рискупорида III, Котия III (227—233 гг. н. э.), Рискупорида IV (233—234 гг. н. э.) и Иниффимея (234—239 гг. н. э.). Эти находки позволяют установить, что разрушение Танаиса произошло в 40-х годах III в. н. э., что соответствует и данным танаисской эпиграфики: позднейшая дошедшая до нас танаисская надпись имеет дату 244 г. н. э.²³

Поскольку город после этого разрушения в течение очень долгого времени не был восстановлен, можно думать, что самое разрушение не было результатом стихийного бедствия, а произошло в момент взятия города неприятелем и сопровождалось истреблением или уходом населения²⁴. Это тем более вероятно, что в то же самое время пре-

¹⁹ К н и п о в и ч, Танаис, стр. 65 и прим. 4 на той же странице.

²⁰ Определение зерна проведено А. В. Кирьяновым.

²¹ Ср. В. Д. Б л а в а т с к и й, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 81.

²² Кости животных из раскопок 1955—1957 гг. были определены В. И. Цалкиным.

²³ А. И. Б о л т у н о в а, Танаисская надпись, IOSPE, II, 454, ВДИ, 1950, № 3, стр. 97 сл.

²⁴ Картину разгрома города неприятелем нарисовал на основании своих раскопок уже П. М. Леонтьев, но он ошибочно полагал, что разгром этот был учинен гуннами

кращается жизнь и на других нижнедонских городищах, где она существовала в первые века н. э.²⁵ Представляется возможным связать это запустение поселений в низовьях Дона с аналогичной судьбой многих населенных пунктов на Керченском полуострове, прекративших свое существование в 60-х годах III в.²⁶ Разгром Танаиса и окружающих его поселений следует связать, таким образом, с передвижением племен (боранов, герулов, готов), двумя десятилетиями позже обрушившихся и на основные области Боспора.

После этих событий Танаис в течение более ста лет лежит в развалинах. В этом отношении показательно полное отсутствие в находках с городища монет боспорских правителей, царствовавших после Инифимея, т. е. после 239 г. Даже обильные монетные выпуски Радамсада, Фофорса, Рискупорида VI не представлены на Недвиговском городище ни одной находкой. Совершенно несомненно, что жизнь на этом месте так и не возобновилась до конца периода боспорской чеканки.

Но имеется несколько находок римских монет более позднего времени, свидетельствующих о некотором возрождении города во второй половине IV в. н. э. При наших раскопках были найдены монеты Флациллы (383—388) и Феодосия I (379—383), при раскопках П. М. Леонтьева — монета Валента (364—378 гг.)²⁷. К этому времени следует относить и некоторые археологические находки и строительные остатки верхнего слоя Недвиговского городища.

Постройки этого последнего периода существования города дошли до нас в очень плохом состоянии вследствие полного разрушения верхних слоев городища выборкой камня в новейшее время; невозможно восстановить ни одного сколько-нибудь целого комплекса, имеются лишь отдельные незначительные остатки стен. Все же можно заметить, что постройки IV в. очень плохи, небрежно выполнены, они не могут идти ни в какое сравнение с постройками предшествующих эпох. При раскопках в юго-западном углу городища было обнаружено, что развалины зданий и оборонительных сооружений, существовавших здесь ранее и погибших в III в. н. э., не были даже разобраны позднейшими обитателями; а чтобы они не обрушивались на новые постройки, они были ограждены плохонькими подпорными стенками, за которыми и протекала жизнь нового населения в IV в. Находок вещей, которые могут быть датированы IV в. н. э., сравнительно немного. Все это свидетельствует о том, что Танаис так и не оправился от удара, нанесенного ему в III в. н. э.; поселение IV в. ничем не напоминает богатого торгового города, существовавшего здесь раньше.

К концу IV столетия н. э. Танаис окончательно прекратил свое существование. Об этом говорит полное отсутствие на городище более позднего материала, а также обнаружение на нем захоронений раннесредневекового времени с керамикой салтово-маяцкого типа. Очень плохое состояние верхних слоев городища не позволяет пока определить причины и характер окончательного запустения города — подвергся ли он новому разгрому или жизнь здесь замерла постепенно. Отдельные находки черепов и костей от разрушенных человеческих скелетов в верхнем культурном слое говорят, может быть, в пользу первого предположения, но нельзя полностью исключить и возможность того, что эти кости принадлежат разрушенным средневековым погребениям. Решить этот вопрос можно будет лишь в том случае, если удастся найти участок верхнего слоя, менее поврежденный хиппической выборкой камня в XIX в.

Д. Б. Шелов

в 375 г. и что Танаис после этого уже не восстанавливался (Леонтьев, ук. соч., стр. 438; он же, Извлечения из всеподданнейшего отчета об археологических розысканиях в 1853 г., СПб., 1855, стр. 103—104).

²⁵ См. К н и п о в и ч, Танаис, стр. 128 сл.

²⁶ И. Т. К р у г л и к о в а, Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря, СА, XXV, 1956; он а ж е, Исследование сельской территории Европейского Боспора, СА, 1957, № 1.

²⁷ Леонтьев, ук. соч., стр. 438.